

D o

Delegacja .

NACZELNEGO DOWÓDZTWA
WOJSK POLSKICH.

Załączam przy niniejszym w odpisach:

- 1/Wyciągi z zeznań aresztowanych w Wilnie, Bobrujsku, Słucku, Smiżowiczach i Mińsku w języku rosyjskim;
- 2/Zeznania złożone w Smoleńsku - w języku polskim;
- 3/Zeznania p.Pillar v.Pilhan z 5/XII, /oryginał w języku rosyjskim w aktach Delegacji/.
- 4/Zeznania tegoż z 4/XII /oryginał w języku rosyjskim w aktach Delegacji/.

Wszystkie cztery dokumenty złożone mi zostały przez Przewodniczącego Delegacji R.T.C.K. w R.S.F.R.S. pana Marchlewskiego, a dostarczone mu przez pana Pillara.

Składając je Naczelnemu Dowództwu i powołując się na pismo moje z dnia 2go grudnia r.b. usilnie proszę w imieniu Delegacji, by Naczelne Dowództwo zechciało umożliwić Polskiemu Towarzystwu Czerwonego Krzyża zakomunikowanie Rosyjskiemu Towarzystwu Czerwonego Krzyża wyniki zarządzonych dochodzeń.

Przewodniczący Delegacji P.T.C.K.

Antoni Józefowski

M. Szwarcman 27 X 1919

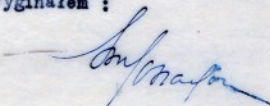
O d p i s y .

Niniejszem zaświadczam, że byłem w więzieniu w Lukiszkach w Wilnie między 30 / IV a 12 / 5 i widziałem na własne oczy jak bito wszystkich więźniów, wyprowadzanych na spacer : St. Romualda, Kiernowicza, Wysockiego w szczególności ostatniego bito nahajką po twarzy . Nazajutrz zrana żołnierz stojący na warcie na dziedzińcu zabił więźnia przez okno tylko dlatego że stał w oknie i patrzył na dziedziniec.

Smoleńsk 22 / XI 1919 roku. /-/ nieczytelny.

Niniejszym poświadczam, że w pierwszych dniach listopada w Smiłowiczach pod Mińskiem zostali aresztowani : Marja Lewinówna, Nadzia Sorelik, przypadkowo w tych dniach Sosnowicz i Kondratowicz były aresztowane i podczas aresztu bezczelnie znęcała się nad nimi żandarmerja, zdzierala ubranie, biła po twarzy aresztowanych . Niniejszym potwierdzam własnoręcznym podpisem /-/ A. Guzewicz.

zgodne z oryginałem :

Видеки на показаний арестованных по подозрению в коммунизме
В ВИЛЬНЕ " меня пытали в вилненской тюрьме ужаснейшим образом
нет места на теле свободного от избиваний, легкия отбиты. в моем
присутствии пытали Пяллара Керновича и других" Абрамов.

Нашихъ товарищей ужасно мучают в тюрьме .Случайно арестован
ного О.Арш. тоже очень били. " Михайлов.

ВОВРУЙСК " По подозрению в большевизме ...! к ним применяют
ужасные пытки ... Финская просит прислать ему яду ... невоз
можно выдержать " Пятаков.

БЕБРУЙСК СЛУЦК . "В тюрьме нетизают заподозренных в коммунизме .
недавно одного били до такой степени что через два дня умер
Стякусу выбили глаза а затем его повесили. Дают меньше всего
85 плеток:" Ковальский

СМИЛОВИЧИ . "Соекович и Кондратович арестованные ка посто
яломъ дворе Смиловичах были жестоко избиты и привезены. гово
рят в кандалах. в минскую жандармерию. Послеъ них была аресто
вана и избита Горелик. "Круковская

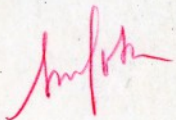
МИНСК "Арестованные сотрудники Центрального Рабочего Коопе
ратива Либкин. Тахилевич и Знекович ужасно пытаются. Тахилевичу
бывали гвозди в пальцы и ужасно нетизали. " Файль

ВИЛЕНСКАЯ ЛУКИШСКАЯ ТЮРЬМА.

В тюрьме на Лукишках заключено несколько сотен политических арестованных. Большинство из них сидят в тюрьме по 6-7 месяцев без всякого разбора дела и допроса. По крайней мере 50% арестованных помещен в тюрьме совершенно незаконно - это люди случайно арестованные, или по ложному доносу, или по подозрению, в первые время вступления польских войск в Вильно. Часть политических помещается в отдельном корпусе тюрьмы, отдельно от уголовных преступников эта часть находится в сравнительно хороших условиях. Но многие политические сидят в так называемом II корпусе совместно с уголовными; они совершенно изолированы от остальных политических. Участи этих узников безотрадная. Мало того, что над ними издеваются уголовные, всякий тюремный надзиратель считает своим долгом провалить по отношению к ним свою власть, проявление которой выражается в непрерывными ругани и что нередко случается, насилием. Кроме того во II корпусе значительно хуже гигиенические условия. Камеры грязные, сырые и холодные.

5/ХП - 1919 г.

В. П И Л А Р Ъ.

PILSUDSKI
INSTITUTE
ARCHIVES
New York

В Вильне 1-го мая с.г. я был арестован комиссаром одного из полицейских участков. Из участкового комиссариата меня препроводили в жандармерию. После так называемого допроса /допрос состоялся только в том, что меня спросили имя, фамилию и какую должность я занимаю при советской власти на Литве/ меня направили в Лукшекув тюрьму. В жандармерии при допросе со мной обращались довольно корректно, но на моих же глазах избивали многих арестованных политических, фамилии которых мне установить не удалось. Избивали жандармы шомполами, пикаптами, а тех которые свалились на пол, ногами.

В Лукшекувской тюрьме меня посадили в одиночку. Со второго дня в мою камеру начали являться какие-то жандармы, просто-военные - офицеры, и солдаты, и даже штатская публичка. Визитеры врываются в камеру, издают какие-то команды, а я зачастую без всяких предельных или иных слов на лице и куда пошла. Все это продолжалось в присутствии моего прямого начальства - тюремного ефеска. Когда я представителем жандармерии начальником тюрьмы г. Коостерским официальным представителем жандармерии /кадетом Яковским/ и перед прокурором Бдзевичем, на это или не обращалось внимания, или в свою очередь издевались.

13-го мая с.г. из тюремного двора проходило поголовное избивание политических во время прогулки. В этот день меня звали гулять совместно с некоторыми политическими - коммунистами. Едва только успели мы выйти на тюремный двор и начать гулять, как явился начальник караула охраняющего тюрьму, какой-то унтер-офицер с нагайкой и принялся по очереди избивать нас, заставляя в то же время гулять вокруг двора. Избивание продолжалось 20-30 минут на глазах некоторых лиц из тюремной администрации / канцелярский чиновник Скоцек / помощник начальника тюрьмы Куадзевич / старший надзиратель Лопитинский / . Все мы были до того избиты, что несколько дней пролежали больными. Некоторые из нас / Висоцкий / ходили несколько недель с обезображенными ранеными лицами. Об этом факте мы доводили до сведения шефа жандармерии в Вильне, но последний не считал нужным расследовать это дело.

Избивание в камерах / политических арестованных при вступлении польских войск в Вильню, продолжалось приблизительно до июня месяца / были случаи, когда жандармерские унтер-офицеры выбивали зубы / случаи в Хорвацким / посещение камер лицами не имевшими ничего общего ни с судебными ни с следственными властями, зачастую просто лиц хорошо знакомых г.г. начальнику тюрьмы, его помощнику, прокурору или кому-нибудь из канцелярских ефесов, продолжалось до начала августа, т.е. до того момента, пока не сменили начальника тюрьмы.

В последние месяцы нас, арестованных при вступлении польских войск в Вильню, какхитителных не считали, но за то бывали неоднократно случаи, что над вновь арестованными политическими проводились контр-разведкой, секцией дефеизмы, эксперименты достоинств во время инквизиции. - Так в первых числах ноября месяца по отношению к политическому арестованному Казимяру Наукокайтису применялись пытки зато, что он отказался давать нечернивавшие показания - у него была отобрана постель, матрац, белье, съестные продукты в его камеру велено было не ступать, стояли морозы в 20 градусов /, подавание запрещено было принести из дому, /на одной тюремной / ницте просить было не возможно.

Несколько дней перед отъездом из Вильно 28-го ноября с.г. имел место следующий возмутительный случай. С разрешения тюремной администрации я в сопровождении тюремного надзирателя был ступлен в госпитальную лечь зубы. На обратном пути от дантиста в тюрьму, я зашел домой, где пробыл около часа. Возвращаясь в тюрьму я совместно с надзирателем был задержан агентом секции дефеизмы и отнесен в дом № 19 по Георгиевской ул., где находилась секция дефеизмы. Здесь во время личного осмотра поручик Новаковский, зная что я такой ударил меня в лицо. В секции дефеизмы я пролежал более суток, не получая никакой пищи. Сидевшие со мной арестованные разеказывали, что они уже четыре дня ничего съестного не получали. Во время допроса допрашивавшие офицера Красовский, Новаковский и другие площадно меня ругали и всяческим образом издевались надо мной. Наконец я должен отметить что выселяя меня из Вильно в Микашевичи Шеф секции дефеизмы поручик Красовский не сказал мне куда я еду, правда из его иронических намеков и грубых намеков, которыми он меня напутествовал можно было догадаться, что меня везут для обмена на, о том, что я заключен в Мисежко Рое. Об-ва Красног Креста, я узнал только от Полномочного Представителя Р.О.К.К. Маршековского, о моем отъезде из Вильно меня известил в 12й ночи 29-го ноября, а вывезли в 7й час. утра 29-го с.м., так, что мне не только не предоставляли возможности взять с собой вещи из дому, и поспрашивать

ся с родителями, но даже я не смог забрать всех вещей, находящихся в тюрьме на хранении. Вышла меня в Микашевичи Польские властные позаботились о том, чтобы обезнечить меня пицей на дорогу, и предложили в продолжении трех суток пытаться тем, что давали мне измистости конвоирующие меня солдаты.

В тюрьме на уст очевидца я узнал, при каких обстоятельствах был расстрелян в арестном доме на Липовках член Литовско-Белорусского Советского Правительства Берсон. На Липовки явился какой-то кеендз для спроса арестованных. Подошедши к Берсону кеендз спросил, почему он служил у большевиков, заставляли ли нужда его служить. Берсон ответил, что он идейный коммунист. Тогда кеендз удалился из камеры, а через несколько минут появились солдаты с офицером и повели Берсона и еще человека четыре из арестованных на тюремный двор, где их расстреляли на глазах смотревших в окна остальных заключенных.

4 декабря 1919 г. Микашевичи.

Р. П и л я р .

